

Греческий кризис привел Берлин в состояние морального вакуума

Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов в своей последней публикации в колонке на сайте Газета.ru рассуждает о новой роли Германии после греческого референдума. Мы решили опубликовать блог автора под названием «Мужчины и женщины развалин».

«Выбрав так называемый жесткий курс, министр финансов Шойбле создал впечатление, будто мы можем извлечь пользу, избавившись от Греции в еврозоне, нам это дешевле обойдется. По-моему, совершенно искаженное представление. Это неправильно с моральной точки зрения, такой шаг станет началом распада. И никто не представляет себе, что произойдет потом. Германия взяла на себя лидирующую роль в Европе, и в этом случае вовсе не позитивную». Это цитата из интервью федерального канцлера Австрии Вернера Файманна, опубликованного вчера в газете Der Standard.

Вена – ближайший и самый надежный союзник Берлина в ЕС: австрийская экономика не только теснейшим образом связана с немецкой, но и построена по такой же модели.

Отношение к хозяйственной практике эллинов в Австрии столь же осуждающее, как и в других странах-донорах. Однако то, что произошло в минувшие дни, насторожило даже австрийцев, не говоря о других странах. Французский премьер Мануэль Валльс, призывая вчера же депутатов Национального собрания одобрить выделение нового пакета помощи Афинам, заявил: «Каждый за себя» не может быть языком Европы. Мы не сдадим Грецию и греков. Место Греции — в Еврозоне и Европейском союзе».

Франция первой, еще до самих греков, подавляющим большинством ратифицировала договоренности, достигнутые на недавнем саммите ЕС. Откуда вдруг такая любовь к солидарности (особенно у привыкших командовать и не любящих платить французов) и симпатии к Греции, которую давно и небезосновательно костерят за безответственность? Из чувства самосохранения. Большинство комментариев по всей Европе сводится к тому, что после рекордного по продолжительности саммита Евросоюза в воскресенье и понедельник объединение стало другим. Прежде всего потому, что европейцы впервые в современной истории увидели Германию, которая не уговаривает, а беспощадно диктует.

Справедливости ради надо сказать, что Берлин долго сопротивлялся роли, которая ему сейчас выпала. Вся европейская политика с середины прошлого века была построена на базовой предпосылке — Германия не имеет политических амбиций. Ей было позволено развиваться экономически и поддерживать — прежде всего материально — курс «старших товарищей». В остальном победители, в первую очередь Франция, извлекли уроки из кошмара Версаля, когда желание максимально унижить Германию после Первой мировой войны привело ко Второй мировой. Проект европейской интеграции, родившийся именно во Франции, был великой идеей, сочетавшей в себе точный экономический и дальновидный политический расчет.

Со временем баланс становился только прочнее — экономический потенциал Германии рос параллельно с политическим влиянием Франции, обе опоры укрепляли друг друга. Собственно, и проект единой валюты — революционный прорыв к новому качеству интеграции, фактически федерализации Европы. Несколько упрощая, можно сказать, что, форсируя введение евро, Париж подразумевал в будущем Европейском союзе примерно такую модель. Германия, известная фискальной добросовестностью, отвечает за финансовую стабильность, по сути, распространяя на новые европейские деньги мощь и устойчивость своей немецкой марки. А Франция остается безусловным политическим патроном всей расширяющейся и углубляющейся конструкции. В Париже не учли, что усложняющейся конструкцией будет все сложнее управлять, а внешняя среда резко изменится к худшему. А в этих условиях здоровая экономика куда более надежная опора для власти, чем политические амбиции.

Германия, надо сказать, колебалась до последнего, опасаясь расстаться с собственной валютой, ставшей для страны настоящим талисманом, символом возрождения из руин после катастрофы нацизма. На прошлой неделе журнал *Der Spiegel* вышел с говорящей обложкой: Ангела Меркель на фоне разрухи и заголовок — «Женщина развалин». Так называли жительниц Берлина, которые в 1945 году разбирали завалы столицы рейха, превращенного в груды камней. Сегодня речь идет о руинах единой валюты — «если провалится евро, рухнет Меркель». Опять же надо быть справедливыми: отнюдь не нынешний канцлер отвечает за фатальные изъяны, которые оказались заложены в саму конструкцию европейских денег. Но последствия легли на плечи Меркель, которая, начиная с 2010 года, стала архитектором программы «спасения» Греции. Комментировать ее результаты излишне — все и так очевидно. Вопрос, однако, не только и не столько в Греции и даже евро. Эти пять лет — период стремительных изменений ситуации и внутри Европейского союза, и вокруг него, в результате которых Берлин из относительно политической провинции превратился в неоспоримый центр, а Германия осталась единственной по-настоящему дееспособной страной ЕС. Соответственно, именно на нее свалилась вся ответственность за будущее проекта, что, в общем, логично: ФРГ как самая сильная экономика является основным выгодоприобретателем еврозоны.

Однако вся предыстория отучила немцев от претензий на лидерство, а тени прошлого (в смысле опасений соседей по Европе) дают о себе знать немедленно, как только возникает движение в сторону такого лидерства. Берлин зажат в клещи. С одной стороны, жизненная потребность сохранять и укреплять Евросоюз, ведь (помимо экономических выгод) его нормативно-правовые

рамки — спасительное доказательство, что Германия не стремится к единоличному диктату. С другой — необходимость принимать меры воздействия на партнеров для того, чтобы обеспечить нормальное функционирование еврозоны. Но попытка давления вызывает опасения, а увеличение нажима — растущее противодействие.

В принципе, Берлин старался соблюдать политесы, оставаясь в границах настойчивого и непреклонного, но все же убеждения. Но фортель Алексиса Ципраса, который решил сыграть ва-банк, объявив референдум против кредиторов, взбесил Германию. Меркель и Вольфганг Шойбле отбросили условности и обрушили всю политико-экономическую мощь союза на греческого премьера, который вернулся за переговорный стол, как он полагал, с убедительным мандатом на сопротивление. Грецию по этому столу и размазали, дабы продемонстрировать всем, что импровизации, не одобренные «начальством» ЕС, караются крайне жестоко. И перестарались, потому что напугали не только и даже не столько Грецию, сколько всех партнеров, и в первую очередь Францию и Италию. Неслучайно Франсуа Олланд, послушно следовавший за Меркель во всем, тут просто-таки встал на дыбы, потребовав вообще снять с обсуждения вопрос о выводе Греции из зоны евро. Столь же решительно против Берлина выступил и премьер Италии Маттео Ренци, ранее критиковавший Грецию за недостаточные реформы. Так называемый компромисс, которого достигли в Брюсселе, оставил у всех ощущение тяжелой безысходности. В то, что объявленные меры решат проблему Греции, никто не верит.

МВФ, не склонный к сочувствию должникам, открыто заявляет, что Греции нужен гораздо более гуманный подход. Правительства стран - членов Еврозоны с неохотой вынуждены в очередной раз обращаться за разрешением на участие в «спасении» к собственными парламентам, где растет оппозиция всему курсу на «оздоровление». Как написала в комментарии газета Guardian, европейская «семья» показала, что может обходиться со своими членами крайне жестоко.

О демократии как принципе стараются вообще не вспоминать — слишком абсурдно это звучало бы после фантасмагории с плебисцитом, который сначала устроил Ципрас, а потом денонсировала европейская номенклатура. Греция же почти утратила контроль над собственной судьбой. Ей диктуют не только что делать, но и в каком темпе — немедленно. Но главный итог — Берлин оказался в своеобразном моральном вакууме. Для Германии ситуация очень неблагоприятная, ведь в силу тяжелой истории XX века страна больше других нуждается в том, чтобы ее действия воспринимались как нравственно оправданные и безупречные. Если этого нет — а сейчас часть государств упрекают Берлин в меркантилизме, другая часть шокирована жестокостью, - фундамент только возникающего германского лидерства начинает шататься.

Возможные последствия Юг Европы, перепуганный перспективой «германского порядка», попытается консолидироваться вокруг Франции - единственной страны ЕС, способной составить противовес Германии. Париж сам судорожно ищет опоры, что может привести к неожиданному крену в сторону США. Вашингтон с большим неудовольствием смотрит на художества ЕС, причем склонен возлагать ответственность на Берлин — за негибкость и нежелание учитывать весь спектр обстоятельств, в том числе геополитическую значимость Греции.

Отношения Германии и Соединенных Штатов сейчас вообще нехороши на фоне все новых откровений про прослушивание АНБ немецких канцлеров. Происходящее на континенте не может не повлиять на настроения в Великобритании, где через полтора года предстоит референдум о членстве в ЕС. Дэвид Кэмерон обещал избирателям, что добьется от Брюсселя и Берлина больших уступок, после чего подданные королевы смогут с чистой совестью проголосовать за Евросоюз.

Но последние события никак не обещают, что Лондону пойдут навстречу в его желании пересмотреть ряд европейских правил — Германия твердо стоит на страже статус-кво. Все это

повышает вероятность заключения масштабного европейско-американского договора — Трансатлантического торгового и инвестиционного соглашения, которое спаяет Запад на новой основе под американской эгидой. Чем тяжелее дисгармония внутри ЕС, тем больше тяга припасть к сильному плечу США, как в старые добрые времена. Та же Германия может испугаться новой самостоятельной ответственности, видя, как все получается.

Страсти июля не решили вопрос, из-за которого все и началось, — греческий кризис и связанный с ним кризис евро по-прежнему далеки от финала. Бездна связана с тем, что жесткие и решительные действия по трансформации еврозоны и ЕС в целом необходимы, и никто, кроме Германии, не может их предпринять. Но после того, что происходит сейчас, сделать это будет еще многократно сложнее.

<http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/7640741.shtml>

Источник:

<https://rugr.gr/politika/4038-grecheskij-krizis-privel-berlin-v-sostojanie-moralnogo-vakuuma.html>